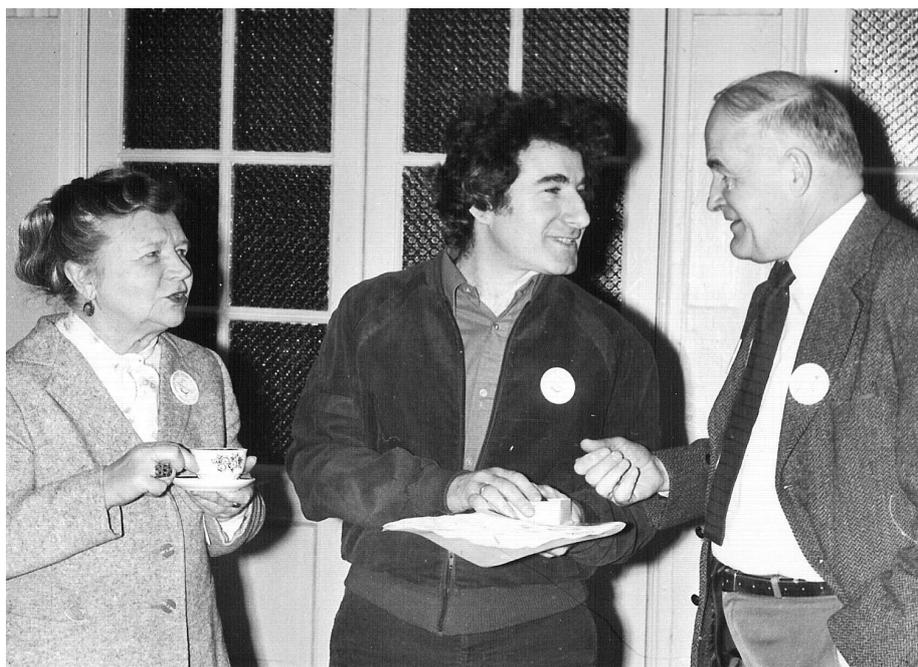

Г.М. Липкинд

* * *

Я оказался в Лаборатории Николая Константиновича совершенно случайно. На одной из биоорганических конференций в Ереване мы сидели рядом, и он спросил, откуда я и чем занимаюсь. «Конформациями пептидов в ИБХ», – ответил я. Он приподнял брови (его очень характерное движение) и заметил, что хотел бы иметь нечто подобное в своей Лаборатории. Не моргнув глазом, я согласился перейти в ИОХ и недели через две уже был в углеводной компании. Однако, по-видимому, Н.К. не знал, чем меня занять, и сказал: «Делайте, что найдете интересным, я даю вам карт-бланш». Позже, благодаря сотрудничеству с Сашей Шашковым, я нашел свое направление. Кажется, именно я подтолкнул его к использованию ядерных эффектов Оверхаузера в нашем конформационном анализе олигосахаридов. Думаю, что уже одно это оправдало мою зарплату.

После овчинниковской «шарашки» свободный и культурный ИОХ казался просто греческой академией. У Н.К. явно был глаз на талантливых людей: я нигде не встречал столько ярких личностей сразу, как в его Лаборатории. Хорошо помню Леню Лихошерстова, Марину Мартынову, Колю Арбатского, Володю Торгова, Колю Нифантьева, Толю Черняка, Леона Бакиновского, Владимира Матвеевича, Виталика Бетанели, Толю Левинского, Юру Книреля, Сою Сенченкову, Нину Кочарову, Женю Виноградова, многих других и, конечно, Варвару Андреевну: ее красота и ум были неотразимы. Не забуду Володю Шибаева и Сашу Свиридова, которые раньше времени покинули нас.

В.А. Деревицкая, Г.М. Липкинд, Н.К. Кочетков. 1983 г.

Интересно, что, переехав в начале 1990-х годов в США, я попал в Университет Чикаго тоже по воле случая. На углеводы здесь не смотрят серьезно, «доктор наук» для американского уха как-то не звучит. Тогда я встретился с местным энзимологом доктором М.В. Макиным, которому показал мою работу, опубликованную по-русски в «Биоорганической химии». Начал ему рассказывать что-то про карбоксипептидазу, как вдруг он перебил меня и к моему

изумлению сказал по-русски: «Григорий, я тебе помогу». Оказалось, что доктор Макинен, будучи в середине 1960-х годов в Москве, был заподозрен в чем-то и провел больше года в заключении, даже побывал во Владимирской пересыльной тюрьме. Он действительно помог мне, связавшись со своим другом врачом-кардиологом доктором Г.А. Фозардом, в лаборатории которого я работаю по сей день. Так КГБ фантастично поспособствовал моему трудоустройству в Америке!

В Университете я занялся белками, которые осуществляют транспорт ионов Na через клеточные мембраны. Эти белки такие сложные, что для них не удается получить данные рентгеноструктурного анализа, и никто толком не понимает, почему они проводят ионы Na, но строго исключают ионы K и Ca. Размер ионов тут не имеет значения, так как диаметр канала в 3–4 раза превышает диаметр ионов. По-моему, меня тут и держат в надежде, что я найду этому какое-нибудь объяснение, так что можно сказать, что мой ионовский карт-бланш «переехал» со мной в Чикаго. Во всяком случае, свои пестрые мысли по этому поводу (дело в электростатическом барьере, который способны преодолевать только ионы Na) я изложил в виде краткого обзора, опубликованного в 2008 году в «Journal of General Physiology».

Да, здесь появляются яркие аспиранты, но после защиты все уходят в медицинскую практику, где платят совсем другие деньги. Поэтому тут нигде не встретишь такого творческого содружества, столь преданных науке людей, как в Лаборатории химии углеводов ИОХ. На ум само собой пришло: «Друзья, прекрасен наш союз!»